Автор предисловия, перевода и примечаний:

Неклюдова Мария Сергеевна
PhD
зав. кафедрой культурологии и социальной коммуникации,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-48
Email: neklyudova-ms@ranepa.ru

«Разговор с господином де Кандалем» и два письма

Аннотация. Публикуется комментированный перевод нескольких эссе французского писателя-моралиста XVII в., Шарля де Сен-Дени, сеньора де Сент-Эвремон (1613–1703). Первое, «Разговор с господином де Кандалем», посвящено событиям и придворным интригам эпохи Фронды. Два других, шутливые письма на галантные темы, обсуждают проблемы лучшей религии для супруги и социальные достоинства кастрации.

Ключевые слова: диалог, эссе, Фронда, галантность, Сент-Эвремон

Шарль де Сен-Дени, сеньор де Сент-Эвремон происходил из небогатого и незнатного рода, и до 1661 г. его жизненный путь был вполне предсказуем: обучение в коллеже, открывавшее возможность административной карьеры, выбор военного поприща, участие в многочисленных кампаниях, поиск могущественных покровителей, светские развлечения и скромные литературные опыты. Но опала и арест суперинтенданта Никола Фуке сделали Сент-Эвремона политическим изгнанником и одним из крупных писателей-моралистов конца XVII в. В отличие от многих современников, также попадавших в опалу и, как правило, активно добивавшихся прощения и возвращения во Францию, он не смог сжиться с «веком Людовика XIV» ни в политическом, ни в религиозном, ни в эстетическом плане, а потому, даже когда его стали звать на родину, предпочел провести остаток дней в Англии.

Сочинения Сент-Эвремона до сих пор не систематизированы; бóльшая их часть циркулировала в рукописном виде и попадала в печать без участия автора, принципиально не интересовавшегося их судьбой. Когда к концу столетия его имя стало пользоваться известностью, издатели начали приписывать ему чужие тексты и даже публиковать якобы написанные им мемуары. На рубеже XVII и XVIII вв. Пьер Демезо попытался собрать полный корпус подлинных произведений Сент-Эвремона и, пользуясь личным знакомством с автором, избавиться не только от фальшивок, но и от раз-

© М. С. НЕКЛЮДОВА, перевод с фр. яз., предисловие и комментарий

ночтений. К сожалению, это, с одной стороны, побудило писателя начать перерабатывать юношеские сочинения, внося еще большую путаницу, а с другой — не слишком прояснило общую ситуацию, поскольку Сент-Эвремон умер до выхода многотомника, в который, по мнению современников, Демезо включил немало сомнительных с точки зрения авторства опусов. Повторные попытки отделить апокрифы от оригинальных текстов были предприняты уже в XX в.; их результатом стало несколько разрозненных изданий сочинений Сент-Эвремона, включающих в основном прозаические наброски, кажущиеся публикаторам наиболее интересными с исторической и литературной точек зрения. Это во многом вкусовой отбор, поскольку за рамками сборников остались многочисленные стихотворные послания «на случай», которые действительно трудно считать поэзией в современном смысле слова, хотя без них литературный портрет Сент-Эвремона безусловно неполон.

Публикуемые ниже сочинения представляют несколько микрожанров, практиковавшихся Сент-Эвремоном. Один из них — беседа, генеалогически восходящая к платоновским диалогам, но пропущенная через призму ренессансной новеллистики и эстетики салонного разговора XVII в. «Разговор с господином де Кандалем» предположительно датируется 1669–1670 гг., когда Сент-Эвремон находился в Голландии. Тематически, ситуативно и, возможно, хронологически он близок к более известной «Беседе г-на маршала д'Окенкура с отцом Кане», но полностью лишен бурлескных черт. В обоих случаях действие происходит в эпоху Фронды, которую Сент-Эвремон, несмотря на скептическое отношение к политике кардинала Мазарини, провел в лагере сторонников королевского двора. Такой выбор был отчасти продиктован разрывом с принцем де Конде, который за пару лет до описываемых событий отказал ему в своем покровительстве. «Разговор с господином де Кандалем» едко и отчасти цинично описывает механику клиентелы, когда обычный дворянин (каким был Сент-Эвремон) вынужден изучать характер аристократического патрона, подстраиваться под его привычки и скрывать собственные чувства. Однако именно этот опыт несвободы делает нижестоящего незаменимым советчиком в том, что касается стратегии и тактики продвижения при дворе: отсюда отдаленное сходство «Разговора» с известным трактатом Николя Фаре «Достойный человек, или Искусство нравиться при Дворе» (1630).

В отличие от комических диалогов маршала д'Окенкура и преподобного отца Кане, на беседе между Сент-Эвремоном и герцогом де Кандалем лежит тень будущих событий — безвременной и в общем-то бесславной кончины молодого герцога и опалы автора, который в последующие годы станет объектом недоброжелательства кардинала Мазарини. Отсюда, по-видимому, переизбыток максим и моральных рассуждений, а также появление целой галереи портретов современников, стилистически и композиционно напоминающей соответствующие пассажи в мемуарах кардинала де Реца. Похоже, что «Разговор» был попыткой перейти от условно исторических диалогов к жанру полноценных воспоминаний. Сент-Эвремон даже позволяет своему альтер эго пророчествовать, предсказывая будущую судьбу герцога де Ларошфуко, что нехарактерно для других его сочинений, которые, напротив, построены как зарисовки с натуры и по горячим следам.

Еще один любимый Сент-Эвремоном жанр представлен двумя письмами, одно из них адресовано юному пажу госпожи де Мазарен, другое — неизвестному корреспонденту. По поводу первого среди исследователей идет негромкий, но ожесточенный спор о том, в какой мере автор имел право советовать ребенку — даже в шутку — подвергнуться кастрации ради сохранения красоты голоса. Не будем входить в детали, они не

имеют особенного смысла, поскольку адресация этих писем вполне условна. Сейчас, когда опубликована часть приватной и деловой корреспонденции Сент-Эвремона, трудно сомневаться в том, что перед нами — эссе в форме писем, обращенные к широкому кругу общих знакомых, где имя является отсылкой к определенной ситуации. В случае «Письма господину ***» это выбор между женой-протестанткой и женой-католичкой, а в «Письме юному Дери» — между «быстрой операцией» и отсутствием карьеры. Оба сочинения сто́ит рассматривать в контексте известных «галантных вопросов», широко обсуждавшихся в парижских салонах, которые порой предлагали неразрешимые дилеммы. Не будем забывать и о том, что, по примеру Монтеня, Сент-Эвремон порой использовал прием, противоположный остранению, снимая дистанцию между обыденными практиками и общественными табу. Если автору «Опытов» было позволено защищать каннибализм, то почему бы его последователю не замолвить слово за кастрацию или за мужскую «дружбу без дружбы», как сказано в другом эссе.

Переводы выполнены по изданиям: 1) «Разговор с г-ном де Кандалем» — Œuvres de Monsieur de Saint-Evremond, avec la Vie de l'auteur; par Mr. Des Maizeaux, Membre de la Societé Royale. Nouvelle Edition. S/l, 1753. T. III. P. 152–180; 2) «Письмо г-ну ***» — Véritables œuvres de M. de Saint-Évremond, publiées sur les manuscrits de l'auteur. Seconde Edition. Londres, 1706. T. I. P. 157–159; 3) «Письмо юному Дери» — Œuvres de Monsieur de Saint-Evremond, avec la Vie de l'auteur; par Mr. Des Maizeaux, Membre de la Societé Royale. Nouvelle Edition. S/l, 1753. T. V. P. 78–80.

Разговор с г-ном де Кандалем[1]

Я не стремлюсь занимать публику своей персоной. Людям нет нужды знать о моих заботах и невзгодах, но вряд ли кто осудит или не сможет удержаться от недовольства, если я поделюсь размышлениями о своей прошлой жизни и от тяжких дум обращусь к мыслям чуть менее неприятным. Однако нелепо все время говорить о себе, даже если с самим собой, а потому многие достойные особы будут причастны к этой речи, которая порадует меня более других бесед, которые я веду, с тех пор как лишился разговоров г-на д'Обиньи[2].

Когда г-н Принц был заключен в тюрьму[3], я водил близкое знакомство с господином де Кандалем. Знакомство это завязали удовольствия и поддерживала простая приятность, без примеси каких-либо намерений и интересов. До этого он жил в тесной дружбе с де Море и шевалье де Ла Вьевилем[4], и

[1] Луи-Шарль-Гастон де Ногаре, маркиз де Ла Валетт, герцог де Кандаль (1627–1658), внук знаменитого герцога д'Эпернона, фаворита Генриха III, и сын незаконнорожденной дочери Генриха IV. Его отец, герцог д'Эпернон, в это время был губернатором Бургундии.

[2] Луи Стюарт, аббат д'Обиньи (1619–1665), английский католик, практически всю жизнь проведший во Франции; вернулся на родину в 1660 г. в качестве капеллана супруги Карла II.

[3] Принцы крови Людовик II де Бурбон, принц де Конде (1621–1686), он же г-н Принц, и его брат Арман де Бурбон, принц де Конти (1629–1666), а также приходившийся им зятем Генрих II д'Орлеан, герцог де Лонгвиль (1595–1663), были арестованы в январе 1650 г.

[4] Антуан дю Бек-Креспен, граф де Море (ум. в 1658 г.), брат маркиза де Варда (см. ниже); Анри де Ла Вьевиль (ум. в 1652 г.), мальтийский кавалер, один из сыновей герцога де Ла Вьевиля.

де Виней[5] с вполне заслуженной насмешливостью окрестил этот союз Лигой. Действительно, у них было несметное количество пустяковых секретов; из всего они делали тайну и по десять раз на дню уединялись, не получая ни малейшего удовольствия от общения друг с другом, кроме того, что им давало противопоставление себя всем прочим. Я входил в этот круг, но не был причастен к их откровениям, которые в итоге оборвались без всякой ссоры.

Господин де Вард[6], отбывая в армию, оставил в Париже возлюбленную, которая была столь же мила, сколь искушена в светскости; она была любима и любила, и, поскольку ее нежность иссякла с первой любовью, в ней более не было истинной страсти: ее интрижки происходили лишь из пристрастия к галантности, и вела она их с большим искусством, создавая иллюзию естественности и выдавая ловкость своего ума за искренность чувств. Ее история была известна, и она не пыталась безнаказанно изображать неприступную добродетель, вместо этого она сменила не слишком блестящий образ жизни, к которому была принуждена, на замкнутое существование и с большим тщанием поддерживала искусственную небрежность. Она не ездила в Лувр, чтобы отбивать поклонников у молодых красавиц, слава которых гремит в свете; нет, она искусно завлекала их к себе и прилагала не меньшие усилия к тому, чтобы, приобретя поклонника, удержать его при себе. Ему не позволялось даже из вежливости поддерживать отношения с женщинами, пускай и не самыми привлекательными; а обычная дружба с мужчинами рождала упреки в том, что она отнимает часть нежности, причитающейся ее любви. Частные увеселения вызывали подозрения в наличии другой привязанности, в многолюдных развлечениях она видела угрозу забвения, но пуще всего восставала против обедов у командора[7], где царил дух вольности, враждебный нежным страстям; наконец, если не все ваши заботы были посвящены ей и только ей, она начинала сетовать на то, что вы ее забыли, и поскольку она уверяла, что полностью принадлежит вам, то хотела, чтобы и вы полностью принадлежали ей.

Будучи далеко, господин де Вард не мог долго сохранять за собой возлюбленную такого нрава. Она постаралась попасться на глаза молодому господину де Кандалю, и поговаривают, что ее намерения родились до встречи и связанных с нею впечатлений и что она подумывала о том, чтобы завладеть им еще до того, как состоялось знакомство. Господин де Вард был чувствителен к этой перемене как к утрате весьма дорогого для него удовольствия; но, будучи человеком достойным, не стал раздувать эту историю и взирал на господина де Кандаля с негодованием соперника, никогда не примешивая к этому ненависти врага.

Де Море, чья серьезность заставляла во всем искать честь, почел себя оскорбленным в лице своего брата и принял за настоящую обиду то, что заинтересованная сторона восприняла как обычную неприятность. Сначала он

---

[5] Луи Ардье, сьер де Виней (ум. в 1681 г.), секретарь герцога де Ларошфуко. Упоминается в мемуарах кардинала де Реца.

[6] Франсуа-Рене дю Бек-Креспен, маркиз де Вард (ок. 1621–1688).

[7] Имеется в виду Жак де Сувре (1600–1670), мальтийский кавалер, брат госпожи де Сабле, по некоторым версиям — один из членов пресловутого «Ордена склонов», т. е. узкого круга гурманов, которые по вкусу вина могли определить не только происхождение лозы, но и на каком склоне она росла.

взял высокий тон, но, видя, что его негодование не одобряется светом, изменил свои речи, но не поведение. Он сетовал, что не имел счастья привлечь к себе взгляды особы, которую он столь почитал всю свою жизнь; что господин де Кандаль недостоин сожалений, поскольку легко найдет друзей, более достойных его расположения; ему же, де Море, с тяжелой душой придется подыскивать себе тех, на которых он сможет действительно положиться. Такие речи он держал перед всем миром, с той ложной скромностью, которая куда больше обнаруживает высокое мнение о своей персоне, чем нескрываемая уверенность. Что касается шевалье де Вьевиля, он почитал себя не менее обиженным, чем де Море, и, отчасти из желания ему угодить, отчасти по живости характера, воодушевлял его на дальнейшие жалобы.

Я продолжал видеться с господином де Кандалем, как и раньше, и, поскольку ему всегда был необходим наперсник, вскоре мне были доверены его жалобы на поведение сих господ и, чуть позже, его страсть к госпоже де Сен-Лу[8]. В пылу новой доверительности он не мог без меня обходиться, по секрету сообщая множество мелочей, столь дорогих для влюбленных и совершенно безразличных для тех, кому приходится их выслушивать. Я принимал их как настоящие тайны, внутренне полагая их докучливыми пустяками. Но господин де Кандаль обладал приветливым нравом, я находил его поведение любезным, и весь его облик был отмечен таким благородством, что мне доставляло удовольствие на него смотреть, хотя слушать было мало радости. Вплоть до этого времени я поддерживал с ним знакомство без задней мысли. Но, увидев, что ум его в моем распоряжении (если позволено так сказать), я подумал, что было бы неплохо привлечь к себе персону, которой со временем предназначено играть значительную роль[9]. И тогда я принялся пристально его изучать, не забывая затрагивать все то, к чему он должен быть наиболее чувствителен. Я хвалил его возлюбленную, не обнаруживая собственных чувств, поскольку находил ее в высшей степени привлекательной; я бранил поведение де Море и шевалье де Ла Вьевиля, которое, по моему мнению, было лишено какого-либо резона.

Есть честная вкрадчивость, которой могут пользоваться даже те, кому чуждо притворство; есть любезность, которая в равной мере далека и от льстивости, и от грубости. Поскольку господин де Кандаль обладал страстной душой, я старался примешивать к нашим беседам все самое нежное, что было мне известно. Кротость его ума выражалась в деликатности, и эта скромная деликатность давала ему способность разбираться в тех вещах, которые не требовали углубленных знаний. Помимо природного расположения, его ум склонялся к этому и в силу воспитания, и я намеренно снабжал его такими темами, в которых он мог проявить этот тип соображения. В итоге мы расставались без того отвращения, которое появляется в конце разговора; и, будучи доволен мною за то, что я доволен им, он умножал свою дружбу по мере того, как все более себе нравился.

Тем, кто стремится подчинить себе умы, редко удается утвердить превосходство собственных способностей, не дав при этом почувствовать тяжесть властного нрава. Заслуги не всегда производят отрадное впечатление на са-

[8] Диана де Шастенье де Ла Рош-Позе, вдова финансиста Никола Ле Паж де Сен-Лу.

[9] Сент-Эвремон существенно старше Кандаля: в 1650 г. тому всего 23 года, тогда как Сент-Эвремону — 37 лет. Этим отчасти объясняется та менторская позиция, которую он занимает по отношению к юному вельможе.

мых достойных людей; всякий ревнует о своих достижениях, вплоть до того, что с трудом терпит чужие. Взаимная любезность обычно позволяет примирить разные устремления, но, поскольку при этом приходится столько же отдавать, сколько и получать, за удовольствие выслушивать лестные слова порой приходится дорого платить, заставляя себя нахваливать собеседника. Но тот, кто хочет быть одобряющим и не заботится о получении одобрения, по моему мнению, одалживает вдвойне: и воздаваемой им хвалой, и отсутствием необходимости ее возвращать. Один из величайших секретов близкого общения — как можно больше обращать людей к честному самолюбию. Если уметь кстати к ним подойти и помочь им обнаружить у самих себя таланты, которыми они не пользовались, они проникаются благодарностью за ту тайную радость, которую испытали, открыв в себе новое достоинство, и уже не могут без нас обойтись, поскольку мы становимся им необходимы для того, чтобы нравиться самим себе.

Возможно, мне не стоит оставлять частные предметы, чтобы размышлять о вещах более общих. Если бы мне предстояло говорить с публикой о делах первостепенной важности, то я был бы более скрупулезен. Но поскольку я беседую сам с собой о малосущественных материях, то по отношению к самому себе я поступаю так же, как поступал с другими: стремлюсь самому себе нравиться и, со всей возможной ловкостью, извлекаю из собственного ума те мысли, которые приносят мне удовлетворение. Я стремлюсь дать волю собственной прихоти, не доводя ее до экстравагантности, поскольку следует в равной мере избегать разнузданности и принуждения; чтобы восстановить хоть какой-то порядок, возвращаюсь к начатому мною рассказу.

Когда господин Принц оказался в заключении, то двор поспешил отправиться в Нормандию, чтобы прогнать оттуда госпожу де Лонгвиль[10] и вырвать у креатур ее семейства управление теми местами, которые были у них в руках. Я принимал участие в этой поездке вместе с господином де Кандалем, и на протяжении двухдневного путешествия по дурной погоде и дурным дорогам мы поддерживали почти непрерывную и приятную своим разнообразием беседу.

Истощив тему его страсти, затем поговорив о чужих страстях и о всевозможных удовольствиях, мы незаметно перешли к тому несчастному положению, в котором, после стольких почестей и славы, оказался господин Принц. Я заметил, что столь великий и несчастный принц достоин всеобщего сожаления; что хотя его поведение по отношению к королеве, по правде сказать, было не слишком почтительным, а по отношению к господину кардиналу — почти несносным, но это все были проступки в отношении двора, а не преступления против государства, из-за которых можно было бы позабыть важность оказанных им услуг; что господин кардинал устоял благодаря его поддержке, и Его Преосвященство обязан ему властью, которая сейчас употреблена на то, чтобы его погубить; что Франция, вероятно, погибла бы, если бы в начале регентства он не одержал бы победу в битве при Рокруа; что после сражения при Лансе двор в его отсутствие наделал массу ошибок и был им спасен при осаде Парижа[11]; что при всех заслугах он вызвал неудовольствие лишь властностью

[10] Сестра принцев де Конде и де Конти, Анна-Женевьева де Бурбон-Конде, пыталась поднять восстание в Нормандии, где губернатором был ее супруг, герцог де Лонгвиль.

[11] Битва при Рокруа (май 1643 г.) — одна из первых и самых громких побед Конде, утвердившая его репутацию полководца; сражение при Лансе (август 1648 г.), произошедшее уже во время так называемой парламентской Фронды, укрепило престиж двора и одно-

своего нрава, над которым он не властен, хотя всеми намерениями и поступками он служил королю и величию государства. «Не знаю, — добавил я, — что может выиграть двор от его заключения, но у меня нет сомнений, что испанцы не могли мечтать о более благоприятном развитии событий».

«Я много обязан, — сказал господин де Кандаль, — я много обязан господину Принцу за неоднократно выказываемую им любезность по отношению ко мне, несмотря на то что он в ссоре с господином д'Эперноном, моим отцом[12]. Возможно, я был даже слишком чувствителен к незначительным знакам внимания, и знаю, что меня корят в некотором небрежении интересами моего дома. Все эти толки не помешали мне оставаться его покорным слугой, как не помешают тому и его нынешние несчастья; но, будучи связан обязательствами со двором, я могу лишь в тайне сожалеть о его бедах, хотя это сожаление в нынешнем положении для него бесполезно и опасно для меня, если о нем станет известно».

«Вот, — подхватил я, — чувства поистине достойного человека, которые мне кажутся тем более благородными, что заключение принцев — благоприятнейшее для вас событие из всех, что только можно пожелать. Сегодня, как мне кажется, вам стоит лишь захотеть, и вы будете самым значительным лицом во всей Франции. Наши принцы крови только что были заключены в Венсенском лесу и, по-видимому, не скоро его покинут. Господа де Тюрен и де Буйон, дабы им помочь, удалились от двора[13]. Господин де Немур — человек достойный, но ни в чем не участвующий, и сейчас он не знает, чью сторону принять[14]. Господин де Гиз — в плену в Испании[15], все прочие наши вельможи либо под подозрением у господина кардинала, либо не привлекают его внимания. Если в нынешнем положении вещей вы не сумеете заставить ценить вашу позицию и ваши превосходные качества, то вините не фортуну, которая вам столь верно служит, а себя, и только самого себя».

Он выслушал меня крайне внимательно и был тронут моей речью более, чем я предполагал, горячо поблагодарив за высказанные мною соображения. Он добродушно заметил, что до сих пор молодость и удовольствия мешали ему заняться чем-либо всерьез, но он был полон решимости покончить с бездействием и воспользоваться всеми возможностями, чтобы завоевать уваже-

временно заставило его совершить ряд «ошибок» (арестовать нескольких парламентских советников), результатом чего стали восстание парижан (знаменитый «день баррикад», детально описанный кардиналом де Рецем) и бегство королевской семьи из столицы. После подписания Вестсфальского мира (октябрь 1648 г.) Конде вместе со своими войсками вернулся во Францию и осадил Париж (январь 1649 г.).

[12] Бернар де Ногаре де Ла Валетт, герцог д'Эпернон (1554–1642).

[13] Фредерик-Морис де Ла Тур д'Овернь, герцог де Буйон (1602–1652), один из предводителей французских протестантов, был в конфликте со двором практически на протяжении всей своей жизни; его брат, знаменитый полководец Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюрен (1611–1675), напротив, практически неизменно сохранял верность королевскому дому. Однако в этот момент оба перешли на сторону фрондеров, хотя и ненадолго (по-видимому, это был тактический шаг, в значительной мере связанный с интересами их дома), так как уже в 1651 г. они примирились со двором.

[14] Шарль-Амадей Савойский, герцог де Немур (1624–1652), все-таки встал на сторону принцев; в 1652 г. был убит на дуэли герцогом де Бофором.

[15] Анри, пятый герцог де Гиз (1614–1664), пытался отбить Неаполь у Испании, ненадолго добился успеха, но затем был захвачен в плен и оставался в Мадриде вплоть до 1652 г., когда был освобожден по просьбе принца де Конде (к этому моменту перешедшего на службу испанского престола).

ние. «Я хочу вам признаться в том, в чем никогда никому не признавался, — продолжал он. Вы не представляете, до какой степени ко мне расположен господин кардинал. Как вы знаете, он предполагает выдать за меня одну из своих племянниц[16], и, по общему мнению, его расположение объясняется этим намерением. Я и сам отчасти так думаю, но, кроме того, мне очевидно, что он питает ко мне слабость. Доверю вам еще большую тайну: я сам не испытываю к нему ни малейшего расположения, и, говоря со всей прямотой, мое сердце столь же нечувствительно к Его Преосвященству, сколь его — по отношению к прочим придворным».

«Я предпочел бы, — отвечал я, — чтобы вы испытывали некоторую симпатию, ибо вам будет трудно скрыть ваши истинные чувства от его проницательного взгляда. Поверьте мне: старайтесь как можно реже видеть его с глазу на глаз, а если этого нельзя избежать, то говорите о вашей преданности в общих словах, не давайте уводить себя в детали, которые позволят ему лучше вас узнать и понять. Когда с ним король и королева, когда он ищет развлечений в обычном окружении придворных, то непременно к ним присоединяйтесь и, пуская в ход всевозможные любезности и приятности, стремитесь поддерживать дружеские чувства, к которым он предрасположен. Если он решит обзавестись настоящим фаворитом, такая близость будет вам выгодна; но его расположение не может быть столь незамутненным, чтобы к нему не примешивались посторонние соображения, и тесное общение позволит ему выяснить все ваши слабости до того, как вам удастся обнаружить хотя бы самую малую из тех, что свойственны ему самому. Сколь бы ни был искусен в притворстве человек вашего возраста, для него будет немалой бедой стать предметом наблюдений для старого министра, превосходящего его и своим положением, и опытом. Поверьте, сударь, опасно слишком часто видеться с преуспевшим в делах человеком, когда разность и, зачастую, противоположность интересов не позволят вам ему доверять. Эта максима, по-видимому, признается и другими народами, но у нас она просто неопровержима, поскольку наше стремление проникнуть в суть вещей гораздо сильнее притворства, которым мы прикрываемся. Не думайте, что вы можете победить господина кардинала его собственным оружием, и не пытайтесь превзойти его по части хитроумия. Довольствуйтесь тем, чтобы следить за своим поведением и стараться быть приятным, а в прочем положитесь на его благосклонность. Склонность — приятное притяжение, которое нам тем более дорого, что кажется полностью нам принадлежащим. Оно рождается в глубине наших нежных чувств, где томно сплетается с удовольствием; в этом его отличие от уважения, которое приходит как нечто постороннее и утверждается и поддерживается в нас не собственными чувствами, а справедливостью, которую мы не можем не воздавать добродетели.

По всей видимости, наступают времена, когда господину кардиналу будет нужда в верных людях. После того как он полюбил вас за приятность, необходимо заставить его ценить вас как человека полезного в делах. Для того чтобы по-настоящему с ним ладить, надо следовать его интересам, а не только внушать ему симпатию, и вы этого, безусловно, добьетесь, если, завоевав ува-

[16] Речь идет об Анне-Марии Мартиноцци (1637–1672), которая в 1654 г. стала супругой принца де Конти.

жение, встанете на его сторону. Уважения же вам не избежать, если вы не будете следовать поведению господина д'Эпернона, продолжая придерживаться его интересов, которые должны быть вашими. По счастью, природа наделила вас расположением, противоположным тому, которое ему свойственно. Нет ничего более несовместного, чем кротость вашего духа и суровость его, чем ваша любезность и его обидчивость, чем ваша вкрадчивость и его гордыня. Поэтому почти во всем давайте волю вашим естественным наклонностям, но бойтесь незаметно для себя исполниться ложной гордости. Ее трудно отличить от истинной: неразумное высокомерие принимается за душевное величие, и, будучи слишком чувствительны к тому, что идет от знатности рода, мы в меньшей мере, чем следовало бы, тревожимся о великих свершениях. Таков, если я не ошибаюсь, портрет господина д'Эпернона. За тем почитанием, которого он ищет и требует от других как долга, он готов забыть, что полагается губернатору и полковнику, при условии, что господин д'Эпернон получит то, что лично ему не положено. Я не говорю, что высокое положение не должно быть отрадно для людей знатного происхождения, но оно должно приходить само, а не надменно узурпироваться. Постыдно утратить то, чем мы обязаны достоинствам и репутации наших предков, и нужно со всей решительностью отстаивать те права, которые перешли к нам по наследству; совсем другое дело, когда речь идет о новых претензиях, которые следует устанавливать незаметно, со всей тонкостью и мягкостью. Именно тут необходимо самое деликатное обращение, чтобы все незаметно шло в ваши руки; и, вместо того чтобы надменно претендовать на то, в чем может быть вполне справедливо отказано, искушенный в делах человек, пуская в ход всю ловкость, добивается получения того, о чем он не просил.

Будьте приветливы, услужливы и щедры, пусть всякому будет у вас удобно и приятно, и вам с радостью доверят все то, чего безуспешно требовать с подчеркнутым высокомерием. Никто не чувствует себя униженным, добровольно отдавая дань уважения, поскольку есть возможность в нем отказать, и потому оно воспринимается скорее как знак дружеской симпатии, нежели как долг. Все люди ревниво оберегают свою свободу, но понимают ее по-разному. Одни отвергают всяческое господство над собой, другие видят свободу в выборе вышестоящих. Таков нрав французов: равно тяготясь и чужой властью, и собственной волей, они не умеют ни без недовольства признать господина, ни довольствоваться тем, что остаются хозяевами самих себя; томясь собственной независимостью, они стремятся отдаться в чужие руки и счастливы распорядиться таким образом, с радостью принимая зависимость, если она является их собственным решением. И, выбирая нужный для вас образ действий, вам следует сверяться скорее с нашими, нежели с вашими природными наклонностями.

Две вещи составляют у нас поистине важное отличие: прямой фавор короля и всеми признаваемые военные способности. В Испании фавор не уменьшает ревнивое отношение вельмож к своему положению, во Франции же становится предметом многочисленных столкновений, поскольку каждый, под предлогом обязательств, которые накладывает доверие или расположение государя, преследует исключительно личные интересы. Наиболее развращенные, число которых велико, рабски служат там, где надеются составить себе состояние; а те, кто менее всего предан, похваляются своей гибкостью. Иные, из ложного

благородства, нелепым образом почитают за честь презирать министров; умы ограниченные гордятся своей твердостью, но мало найдется людей искусных в делах и порядочных, которые умеют сохранять достоинство и блюсти свои интересы. По-видимому, ежели двор ведет обычное существование, то все склоняются перед фаворитами.

Что касается военных заслуг, то они дают большой вес, и, если речь идет о командовании значительными силами, то ореол этого авторитета сохраняется и при дворе. Все с радостью почитают полководца, который умножил нашу славу, и даже те, кто особенно ее не добился, на покое с удовольствием вспоминают о тяжести походов. В бездействии все говорят о минувших делах, в безопасности припоминая опасности, и в мирное время образ сражений неотделим от памяти о командовании, которое нас вело и которому мы были обязаны повиновением. Именно военные заслуги должны быть предметом вашего честолюбия, здесь вы должны прилагать все усилия, чтобы однажды встать во главе армии. Столь благородное и славное занятие уравнивает по влиянию подданных и государя, ибо если порой частное лицо может стать завоевателем, то и прочно сидящий властитель может превратиться в последнего из смертных, если будет пренебрегать доблестью, необходимой для поддержания его положения.

После того как вы продумаете свое поведение по отношению ко двору и воодушевитесь военным честолюбием, вам останется обзавестись такими друзьями, чья надежная репутация будет способствовать укреплению вашей собственной, которые, когда вы приступите к действиям, заставят оценить новое для вас прилежание.

Из всех известных мне людей я прежде всего пожелал бы вам водить тесное знакомство с господами де Паллюо и де Миоссансом[17]. Моя дружба с ними обоими может побудить вас с подозрением отнестись к моей рекомендации, но это тот случай, когда вы можете без опаски положиться на мое мнение, поскольку в целом мире трудно найти людей более достойных.

В то же время хочу признаться, что выше всего я бы поставил дружбу господина маркиза де Креки[18]; его дружеское расположение отличается такой живостью и воодушевлением, а преданность — такой строгостью и чистотой, что я не могу не почитать его всей душой. Кроме того, его честолюбие, отвага, военный гений и всеобъемлющий ум добавляют к дружбе совершенно особое уважение. К нему без преувеличений можно отнести прекрасную похвалу одного из Древних: ita ut ad id unum natus esse videretur quod aggrederetur[19]. Если бы призвание было делом выбора, то природа подготовила его ко всему; он способен к тысяче разнообразных занятий и может с такой же легкостью исполнять чужие обязанности, что и свои. Когда бы он ни стремился завоевать

[17] Филипп де Клерамбо, граф де Паллюо (1606–1665), и Сезар-Фебюс д'Альбре, сир де Понс, граф де Миоссанс (1614–1676), во время Фронды приняли сторону двора, и в 1653 г. оба получили звание маршала Франции. В 1650 г. именно графу де Миоссансу было доверено препроводить принцев в Венсанский лес.

[18] Франсуа де Бланшфор, маркиз де Креки (1629–1687), маршал Франции (1668), во время Фронды сохранил верность двору; один из постоянных адресатов Сент-Эвремона.

[19] «Что, казалось, он был рожден лишь для того, чтобы совершить им совершенное» (лат.). По мнению современных комментаторов, эта цитата скорей всего придумана самим Сент-Эвремоном.

славу оружием, он мог бы составить себе репутацию пером. Честолюбие не терпит мелкого тщеславия, но не препятствует любознательности: тайное изучение наук дает ему радость просвещения, и, обладая обширными познаниями, он к этому преимуществу добавляет важное достоинство их не обнаруживать. Возможно, вы не поверите, что в молодом человеке можно найти то, что не всегда ожидаешь от более зрелого возраста, и я готов признать, что порой мы слишком поспешно выказываем уважение юности, просто потому, что к ней склоняются наши чувства. Но бывает и так, что мы с опозданием воздаем должное ее добродетелям: забывая хвалить славные дела в момент их свершения, мы лишь потом превозносим тех, кто уже находится на покое и ничего не делает. Репутация крайне редко совпадает с достоинствами, и мне доводилось видеть множество людей, которые почитались за еще не приобретенные заслуги или за те, что остались в прошлом. В господине маркизе де Креки мы находим это редкостное совпадение. Сколь ни были бы велики подаваемые им надежды, он уже совершил довольно для удовлетворения самых придирчивых, и ему стоит пожелать того, чего все обычно страшатся: внимания со стороны людей наблюдательных и тонких суждений проницательных судей.

Если первый министр или фаворит ищет среди придворных того, кто был бы достоин его доверия, то, по моему мнению, ему не найти человека более того заслуживающего, чем господин де Рювиньи[20]. Вероятно, есть те, в ком вы обретете более яркие таланты или более громкие свершения. Но если судить о человеке по всей его жизни, то, насколько знаю, никто не вызывает большего уважения, и ни с кем не удается поддерживать столь долгие и доверительные отношения, свободные от подозрений, и дружбу, не знающую охлаждений. Сколь бы мы ни сетовали на развращенность нашего века, в нем можно найти преданных друзей; но этим достойным людям зачастую свойственна непреклонность, которая заставляет предпочитать этой суровой верности льстивые речи пройдохи. В этих людях, которых именуют надежными и солидными, я наблюдаю серьезность, которая вам докучает, и тяжесть, которая нагоняет скуку. Даже их здравомыслие, которое может однажды пригодиться в делах, не к месту в повседневных развлечениях. Тем не менее необходимо находить подход и к тем, кто вас стесняет, поскольку они могут оказаться полезны; и, раз они не обманывают вас, когда вы им что-то доверяете, они считают себя вправе докучать вам и в те часы, когда вам нечего им доверить. Господин де Рювиньи столь же заслуживает доверия, но его порядочность легка и приспособлена для общества; это надежный и приятный друг, чей разговор исполнен смыслом и неизменно приносит удовлетворение.

Заключение господина Принца заставило удалиться от двора еще одну значительную особу, которую я бесконечно почитаю, — господина де Ларошфуко[21], чья отвага и образ действий делают его способным на все, к чему он

[20] Анри де Массюэ, маркиз де Рювиньи (ок. 1610–1689), генерал-лейтенант, один из лидеров протестантов, в этом качестве неоднократно бывавший в Англии и после отмены Нантского эдикта туда эмигрировавший.

[21] Франсуа VI, принц де Марсийак, герцог де Ларошфуко (1613–1680), автор «Максим», первое (пиратское) издание которых вышло в 1664 г. в Гааге (затем последовал ряд авторских изданий 1665, 1666, 1671, 1675, 1678 гг.). Отзыв Сент-Эвремона отсылает не столько к периоду Фронды, сколько к последовавшей затем опале и литературной славе Ларошфуко.

приступает. Ему суждено завоевать репутацию без особенной для себя выгоды, и враждебность фортуны откроет всему свету его достоинства, которые, из-за сдержанности его нрава, до сих пор были известны лишь самым тонким ценителям. Сколь ни было бы злополучно положение, в которое поставила его судьба, вы всегда увидите его равно далеким от слабости и от ложной твердости, сохраняющим самообладание в самых опасных ситуациях, но не упорствующим, будь то из чувства ожесточения или ложно понятной гордости, в делах обреченных. В повседневной жизни его манеры исполнены достоинства, разговор точен и вежлив; все, что он говорит, хорошо продумано, а в том, что пишет, легкость выражения сравнима с точностью мысли.

Не буду говорить вам о господине де Тюрене; со стороны частного лица было бы слишком большой дерзостью полагать, что его мнение заслуживает внимания, когда речь идет о том, кому целые народы публично воздают по справедливости. Тем более нам нет смысла долго беседовать о тех, кто сейчас находится в удалении от двора, и не может служить вашим интересам.

Вернемся к господам де Паллюо и де Миоссансу и обрисуем те их качества, которые могут быть вам приятны или полезны. В обществе господина де Паллюо вы найдете всю возможную приятность, умение хранить тайны и надежность, о которой только можно пожелать. Не ждите от него рвения молодого человека, который рьяно стремится вам услужить, вызывая опасения своей опрометчивостью и нежеланным пылом. Все, что вам понадобится, он будет делать кстати, и вы можете ждать от него тех услуг, которые умеет оказывать искушенный придворный. Стоит вашей дружбе укрепиться, он начнет интересоваться вашим поведением, будучи более способен направлять его своими советами, чем со всей энергией продвигать ваши дела. Я знаю, что он всегда восставал против ложного благородства, и, поскольку он высмеивал показную добропорядочность, многие сочли, что его не трогает и истинная. Могу сказать, что ни в ком мне не приходилось видеть столь естественной честности; с друзьями он не знает обмана, притворства и лукавства; он привязан ко двору, но не продается за деньги и стремится быть приятным с той тонкостью, которая не имеет ничего общего с льстивостью.

В том, что касается ваших дел, то тут для вас более благоприятны отношения с господином де Миоссансом, особенно в нынешнем положении, когда практически всё зависит от личной ловкости. Он превосходен при дворе, где ведется множество интриг и существуют различные интересы. Сперва он приблизится к вам, надеясь, что вы ему окажетесь полезны; и если вы будете с ним в ладу, то он почтет за честь во всем быть вам полезным. Выкажите немного внимания, и вы станете предметом его забот; проявите любезность, и он начнет вас восхвалять; проявите симпатию, и он будет более признателен, чем можно было ожидать и чем он сам думал. Тогда он позабудет о личных интересах и со всем жаром дружбы возьмет на себя ведение ваших дел так, как будто это его собственные, следя за их ходом с прилежанием, точностью и старательностью; не придавая значения обычным услугам, оказываемым в повседневном общении, он будет почитать, что вы не можете быть им довольны — и он не будет доволен сам собой, — пока по-настоящему вам не услужит. Единственная опасность, которая тут существует, это задеть его чувствительный нрав: забывчивость, невольно выказанное равнодушие могут всерьез

стать причиной ответной индифферентности; шутка по поводу дамы, в которую он влюблен, забавное переиначивание его собственных речей будут им восприняты как настоящие обиды, и, не соизмеряя расплату с оскорблением, он может попытаться отомстить вам в том, что наиболее для вас важно. Когда он к вам расположен, то нет никого, кто мог бы лучше заставить ценить ваши добрые качества, а потому если он сочтет, что у него есть резон больше вас не любить, то никому не удастся более выставить напоказ ваши слабости и недостатки. Вот чего следует опасаться в случае подобного нрава, но эту угрозу легко устранить. Чтобы быть уверенным в нем, вам следует быть уверенным в самом себе, и если вы будете внимательно относиться ко всему, что его касается, то, решусь утверждать, он сделает для вас гораздо больше».

«В том, что касается господина де Паллюо, — отвечал господин де Кандаль, — признаюсь, что мне он был бы очень по душе, и я буду вам весьма обязан, если, входя в круг его близких друзей, вы приобщите к их числу и меня. Я не меньше вашего уважаю прекрасные качества господина де Миоссанса и знаю, что, видимо, лучших просто не найти; трудно отыскать человека более умного, который охотно и с пользой употребляет свои способности на благо друзей. Однако до сих пор его поведение по отношению ко мне было столь нелюбезным, что я никогда не сделаю ему шаг навстречу. Если у него появится желание со мной сблизиться, или если вы могли бы нас незаметно свести, то мне было бы это не только полезно, но и приятно».

Эту неприязнь господину де Кандалю внушили де Море и шевалье де Ла Вьевиль; и он проникся ею из тайного честолюбия, которое не могло мириться с тем высокомерием, которое выказывал господин де Миоссанс при каждой встрече с ним и которому, в силу мягкости и лености нрава, он никогда не брал на себя труд противостоять. Я не пытаюсь там самым бросить тень на его отвагу. Ею он, безусловно, обладал, но податливость его ума и беззаботность создавали видимость слабости, особенно в незначительных происшествиях, которые не казались ему достаточно существенными, чтобы отказаться от сладости покоя. Все, что обладало блеском, возбуждало его любовь к славе, а любовь к славе заставляла пускать в ход отвагу. Мне приходилось видеть, как он совершал даже больше, чем требовалось, когда оставляемые им без внимания незначительные происшествия в конце концов становились достаточно громкими; когда речь шла о его репутации, он был способен рисковать своим положением и даже своей персоной. Своей небрежностью он давал свету слишком большую власть над собой, и свет мог побудить его зайти слишком далеко, если в ход шли недобрые насмешки, которые заставляли отказаться от умеренности, свойственной его обычно кроткому нраву, но эта кротость всегда уступала честолюбию.

Вот некоторые черты портрета господина де Кандаля. Поскольку он был достаточно славен, чтобы вызвать желание узнать его характер, будет уместно закончить набросок. Мне мало встречались люди, обладавшие столь разнородными свойствами; в общении с миром, он имел то преимущество, что природа оставила на виду самые привлекательные качества, и скрыла в глубине его души все то, что могло отталкивать. Мне не доводилось видеть людей, чей облик столь же дышал благородством. Его вид бы приятен, и, располагая посредственным умом, он полностью использовал его в любезных беседах и раз-

влечениях. Поверхностное знакомство заставляло его любить, а близкое общение вскоре вызывало разочарование, поскольку он мало заботился о вашей дружбе и легкомысленно распоряжался своею. Из-за этого безразличия к друзьям люди дальновидные незаметно от него отдалялись, сводя общение к простому знакомству; наиболее чувствительные жаловались, как сетуют на неблагодарную возлюбленную, с которой не имеют сил расстаться. Так что персона его оставалась привлекательной, несмотря на недостатки, и эта привлекательность продолжала находить отклик в душах, против него раздраженных. Что касается его самого, то он обращался с друзьями так, как обычно любовницы ведут себя по отношению к своим возлюбленным. Какие бы услуги вы ему не оказывали, он переставал вас любить в тот момент, когда вы переставали ему нравиться; как им, ему надоедало привычное, и он был чувствителен к сладости новой дружбы, как чувствительны дамы к утонченной нежности зарождающейся страсти. Тем не менее он не порывал прежних связей, и, окончательно отдаляясь от него, вы причиняли ему боль, поскольку громкие разрывы противны его нраву. Кроме того, он не хотел утрачивать возможность к вам вернуться, когда вы сможете снова быть ему приятны или полезны. Поскольку он был чувствителен к удовольствиям и заинтересован в продвижении своих дел, то возвращался либо привлеченный вашей приятностью, либо в силу нужды. Будучи крайне скуп, он много тратил, любя в расходах то, что бросалось в глаза, и горько переживая необходимость их производить. Он был легкомысленен и тщеславен, корыстен, но умел хранить верность: причудливый набор качеств для одного человека. Обмануть вас было одним из величайших для него мучений, и когда интерес, обычный господин всех его поступков, понуждал его изменить данному слову, то он стыдился того, что подвел вас, и не мог быть довольным собой, пока вы не забыли о причиненной обиде. Тогда он проникался к вам новым пылом, втайне будучи вам благодарным, что вы примирили его самим с собою. Если речь не шла о его интересах, то он редко причинял вам неприятности, но его дружба была столь же малоуслужлива, сколь безобидна его ненависть; и самая большая жалоба меж его друзей сводилась к тому, что его не за что хвалить, как только за непричинение зла.

В том, что касается женщин, долгое время он оставался слишком равнодушным или слишком невнимательным, чтобы завоевать их расположение. Когда они наконец заметили его привлекательность, то осознали, что его небрежность обусловлена и их пренебрежением, и, хорошо понимая собственные интересы, начали иметь на него виды, поскольку он еще не имел никаких видов на них. Итак, его полюбили, и под конец он научился любить.

В последние годы жизни он был предметом желания всех наших дам. Самые скромные втайне вздыхали о нем, наиболее галантные вырывали его друг у друга, стремясь к обладанию им как к вершине удачи. Но если интересы галантности их разъединили, то его смерть объединила их общими слезами. Все чувствовали себя любимыми, и общая нежность вскоре превратилась во всеобщую скорбь. Те, кого он когда-то любил, вспоминали прежние чувства и воображали, что снова потеряли то, что уже утратили. Многие, к кому он был равнодушен, льстили себе надеждой, что такое положение вещей не могло быть вечным, и, считая, что смерть помешала их счастью, оплакивали любезную им персону, которая могла бы их любить. Были и те, кто сожалели о нем из тщеславия, и никому не ведомые особы присоединялись к рыданиям заинтересованных, чтобы

придать себе некоторый вес в том, что касается галантности; но его истинная возлюбленная прославилась избытком своего горя, почитая за счастье никогда не знать утешения[22]. Одна лишь страсть делаем честь дамам, и я не уверен, действительно ли их репутация выигрывает, если они никогда никого не любили.

Письмо г-ну ***

Вы пишете мне, что влюблены в протестантку, и что если бы не разница в вероисповеданиях, вы вполне были бы готовы на ней жениться. Если ваш нрав не позволяет вам вынести мысль о том, что на том свете вам не будет дано воссоединиться с супругой, то мой совет: женитесь на католичке. Но если я вдруг задумал жениться, то предпочел бы вступить в брак с особой, чье вероисповедание отлично от моего. Меня преследовали бы опасения, что католичка, уверенная в обладании супругом в другой жизни, не решила бы попробовать обзавестись поклонником в этой.

Кроме того, я придерживаюсь не слишком распространенного, но, как кажется, верного мнения, что протестантская вера благоприятна для мужей, меж тем как католическая — для любовников.

Христианская свобода, которой так гордится протестантская церковь, воспитывает некий дух сопротивления, который лучше защищает женщин от уговоров влюбленных в них. В то время как покорность, которую требует католическая церковь, отчасти предрасполагает их к тому, чтобы дать себя уговорить. Действительно, душа, способная подчиняться тягостным для нее велениям, без особого труда даст себя склонить к тому, что ей любо.

Реформированная религия стремится лишь к тому, чтобы ход жизни был размеренным, и эта размеренность легко оборачивается добродетелью. Католическая делает женщин намного более благочестивыми, но благочестие без труда переходит в любовь.

Одной всего лишь приходится воздерживаться от того, что ей запрещено; другая, признавая значимость добрых дел, позволяет себе немного согрешить и отведать запретного, рассчитывая потом сделать много добра, не входящего в ее обязанности.

В одной храмы — залог спокойствия мужей, в другой — самое опасное для них место. Действительно, предметы, которые в наших церквях должны служить к умерщвлению плоти, зачастую вызывают любовь. Признаки раскаяния в изображении Магдалины для старух служат напоминанием об аскезе ее существования, молодые же принимают их за томность страсти; и тогда как мать семейства стремится подражать искупительным страданиям святой, ее кроткая дочь видит лишь грешницу и любовно лелеет мысли о предмете ее раскаяния.

Эти кающиеся грешницы, которые оплакивают в монастырях содеянные ими в миру грехи, служат примерами не только слез, но и радостей. Возможно, что они даже укрепляют решимость согрешить, оставляя на виду причину по-

[22] Если верить «Любовной истории галлов» Бюсси-Рабютена, то горе Катрин-Генриетты д'Анженн, графини д'Олонн (1634–1714), было недолгим и притворным; однако Сент-Эвремон приятельствовал и с ней, и с ее мужем.

каяния. Женщина не думает по отдельности о частях своего существования, но берется подражать целой жизни, в молодости предаваясь любви и приберегая слезы в качестве утешения в старости. В эту горестную пору, столь подверженную страданиям, нам в радость оплакивать минувшие грехи, или, по крайней мере, слезы позволяют нам отвлечься от одолевающих бед.

«Итак, — скажете вы, — с протестанткой я в полной безопасности». Отвечу вам как отец Гиппофадей Панургу: «Если Бог захочет». Мудрец полагается на Провидение, и от него ожидает верности и спокойствия духа[23].

Письмо юному Дери[24]

Дитя мое, меня отнюдь не удивляет, что до сих пор вы выказывали непреодолимое отвращение к тому, что имеет для вас важнейшее значение. Грубые, неотесанные люди безжалостно твердят о том, что вас *надо оскопить*: выражение это столь гнусное и подлое, что от него отвратился бы и менее утонченный ум. Я же, дитя мое, постараюсь добиться вашего блага при помощи менее неприятных манер и со всей убедительностью разъясню, что вам следует придать немного лоску при помощи незначительной операции, которая сохранит вам нежный цвет лица на многие годы вперед, а красоту голоса — до конца ваших дней.

Все эти гинеи, наряды из алых тканей и пони, которыми вас одаривают, даются сыну господина Дери отнюдь не в силу его благородного происхождения: вы ими обязаны своему лицу и голосу. Но через три-четыре года — увы! — вы лишитесь обоих достоинств, если только у вас не достанет мудрости о том позаботиться, и источник этих удовольствий иссякнет. Сегодня вы запросто беседуете с королями, вас ласкают герцогини и хвалят все знатные люди; но когда ваш голос утратит свое очарование, вашим единственным приятелем будет Помпей[25], и, вероятно, на вас будет взирать свысока господин Стуртон[26].

Вы говорите, что страшитесь того, что будете менее любезны дамам. Оставьте опасения, сейчас уже не прежние невежественные времена, и получаемая от этой операции выгода всеми признается. Так что на каждую возлюбленную господина Дери в его натуральном виде придется сотня возлюбленных господина Дери в выхолощенном виде. Итак, как вы убедились, у вас будут возлюбленные и не будет жены, что означает избавление от величайшей беды: блажен тот, кто избавлен от жены, и еще более блажен тот, кто избавлен от детей! Дочь господина Дери принесет в подоле, сын кончит на виселице, а жена точно наставит ему рога. Оберегите себя от всех этих бедствий при помощи одной быстрой операции, и вы будете принадлежать исключительно самому себе, гордясь, что столь незначительная заслуга принесла вам состояние и расположение всего света. Если я проживу достаточно долго для того,

---

[23] Заключительные строки отсылают к эпизоду из «Гаргантюа и Пантагрюэля» (кн. III, гл. 30), где отец Гиппофадей объясняет Пантагрюэлю, что в вопросе брака все в руках божьих, и «если бог захочет, вы не будете рогаты» (пер. Н. Любимова).

[24] Паж госпожи Мазарен, который хорошо пел (прим. Пьера Демезо).

[25] Негр госпожи Мазарен (прим. Пьера Демезо).

[26] Паж госпожи Мазарен (прим. Пьера Демезо).

чтобы увидеть, как у вас сломается голос и начнет расти борода, то вам придется выслушать немало упреков. Предупредите их, и поверьте, что я самый искренний ваш друг.

SAINT-ÉVREMOND

"Conversation with M. de Candale", and two letters

Introduction, translation and commentaries:

Neklyudova, Maria S.
PhD
Chair, Department of Cultural Studies and Social Communication,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-48
E-mail: neklyudova-ms@ranepa.ru

Abstract. A commented translation of several essays by a 17th century French moralist writer, Charles de Saint-Denis, seigneur de Saint-Évremond (1613–1703). The first one, "Conversation with M. de Candale", recounts events and intrigues of the Fronde era. The other two are humorous and gallant letters that discuss such topics as the best religion for one's wife and the social merits of castration.

Keywords: dialogue, essay, the Fronde, gallantry, Saint-Évremond

To cite this article:

Saint-Évremond (2017). "Razgovor s gospodinom de Kandalem" i dva pis'ma ["Conversation with M. de Candale", and two letters] (M. S. Neklyudova, Intro., Trans., Commentaries). *Shagi / Steps*, *3*(3), 187–203. (In Russian).

Received June 1, 2017